

Алексей Антипов, Сергей Шевченко

БИОЭТИКА И ЭТИКА КОНЦЕПТОВ ВОКРУГ ДВИЖЕНИЯ ЗА ПРАВА ИНВАЛИДОВ

В статье дан обзор этики концептов как одного из вариантов пересмотра текущих способов употребления «выразительных средств языка». Этика концептов, и близкое к ней направление концептуального инжиниринга, являются частью амелиоративистских течений, направленных на разработку нормативных установок в экспертных сообществах, а также улучшение социальных структур и взаимодействий. Понятия, используемые для обозначения социальных практик, в частности инвалидности рассматриваются не только как способы именованя вещей и событий, а как точки приложения усилий, направленных на улучшение этих практик. В статье этика концептов размежевывается с моральной философией, а термин «этика» используется достаточно широко – для того, чтобы включить в себя и проблемы долженствования, и проблемы оценки действий и последствий. При этом этика концептов оценивает применимость понятий с ценностных позиций. В этой связи некоторые авторы считают ее первым этапом концептуального инжиниринга. Другой его составляющей является концептуальный активизм, цель которого состоит прежде всего во внедрении новых понятий в коммуникативные практики или в постепенном улучшении имеющихся понятий. На примере изменений концепта «инвалидность» (*disability*) демонстрируются различия между этикой концептов и концептуальным активизмом. Показано, что предлагаемые борцами за права людей с ограниченными возможностями изменения этого понятия подвергались постоянной этической оценке в рамках биоэтических дискуссий. Тем

Алексей Владимирович Антипов – к.филос.н., мл.н.с., сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН, Москва, Россия. ORCID: 0000–0002–7048–3373. Электронная почта: nelson02@yandex.ru

Сергей Юрьевич Шевченко – к.филос.н., ст.н.с., сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН, Москва, Россия. ORCID: 0000–0002–7935–3444. Электронная почта: simurg87@list.ru

самым в рамках биоэтики произошло формирование рамок таких изменений, были выработаны формы сочетания или перевода немедицинских и медицинских моделей «инвалидности». Социальное значение биоэтики, нейроэтики, цифровой и техноэтики не ограничивается регулированием процессов разработки новых технологий и мониторингом распространения связанных с ними социальных практик. Эти междисциплинарные области оказываются своеобразными испытательными полигонами понятий, в которых вырабатываются формы согласования их значений, а значит происходит координация активности государственных и общественных институтов, и отдельных социальных групп.

Ключевые слова: этика концептов, биоэтика, концептуальный инжиниринг, амелиоративизм, активизм, инвалидность

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-4-685-696

Предпосылки появления этики концептов

Коммуникация людей прежде всего основана на способности использовать язык, на этом выстраивается культура как способ фиксации и передачи опыта. Лингвистический поворот в философии, начавшийся в 20-е годы XX в., смещает акцент с классических философских проблем на способы использования языка, к проблемам языка как средства репрезентации. Общие проблемы языка, понимание способов его использования в повседневном, профессиональном и научном контекстах начинают заботить представителей различных областей философского знания. В области морали и этики обращение к вопросу о языке приобрело особое значение, поскольку использование понятий этики связано с оценкой поведения человека, важности событий и формирования отношения к самому субъекту. Анализ языка морали позволяет выделить такие фундаментальные категории как «свобода», «счастье», «ответственность», «справедливость» и т.д., а также прояснить долженствование и другие функции морали (например, ценностной ориентации в мире).

Прояснение категориального аппарата этики позволяет увидеть, что моральные понятия, вырванные из непосредственного контекста употребления, утрачивают свой аутентичный смысл. В 1981 г. философ Аласдер Макинтайр обратился к этому вопросу в работе «После добродетели» (Макинтайр 2000). В ней он говорит, что утрата аутентичного смысла происходит потому, «что в прошлом произошла моральная катастрофа, оставшаяся для нас незамеченной» (Дмитриев 2005: 90–91). В результате этой «моральной катастрофы», язык морали лишается значения и остается «лишь подобие морали». Макинтайр отмечает, что «мы утратили – если не полностью, то по большей части – понимание морали как теоретическое, так и практическое» (Макинтайр 2000: 8). Он выделяет три особенности современной теоретической и практической морали. Первая выражается

в существовании множества несоизмеримых концепций морали, что служит причиной возникновения бесконечных и неразрешимых споров (дилемм). Вторая особенность состоит в разрыве между контекстом суждения и приводимыми аргументами, поскольку выбор позиции обусловлен предпочтениями вкуса говорящего, но сам предполагает апелляцию к внеличным стандартам, которые призваны легитимировать используемую позицию. Третья особенность заключается в мозаичности и несовместимости используемых моральных предпосылок. Эта несоизмеримость возникает из-за того, что сами предпосылки имеют разное историческое происхождение, и если во время своего появления эти предпосылки были частью социального мира и тем самым подкреплялись существующей практикой взаимодействия, то в настоящее время, согласно мысли А. Макинтайра, социальный мир, который был бы комплементарен используемым моральным понятиям и посылкам, отсутствует.

Еще до Макинтайра философы пытались обнаружить дефектность моральных понятий. В 1958 г. Элизабет Энском сформулировала тезисы о ситуации в теории и практике морали. В данном случае наиболее интересен тезис, непосредственно касающийся языка морали: «Если это психологически возможно, следует избавиться от понятий обязательства и долга – то есть морального обязательства и морального долга, от понятий морально правильного и неправильного, а также от морального смысла долженствования. Ведь эти понятия – пережитки или следствия от пережитков более ранней этической концепции, которой в целом больше не существует; а без нее они только вредят» (Энском 2008: 70). Так, понятия, оставшиеся от предшествующих моральных теорий и представлений, не способны адекватно соотноситься с модифицированной социальной практикой. Например, понятия правильного и неправильного возникают в рамках этики божественного закона, но вне этого главенствующего контекста «они не просто бессмысленны, непонятны, но и разрушительны для морали» (Артемьева 2005: 164). В подобных выводах Энском опирается на высоко ценный для нее принцип Дэвида Юма о невозможности перехода от связки «есть» к связке «должен». Энском использует этот методологический принцип, чтобы показать, что понятия «долга», «обязанности» и другие неоткуда вывести, когда сама «реальность божественного закона, породившая долг, обязанность [...] отброшена» (там же: 167). Поэтому можно постулировать общую доминирующую роль контекста для определения значения моральных понятий.

Итак, обозначенные позиции иллюстрируют ситуацию, в которой моральные понятия, потерявшие социальный контекст использования, продолжают существовать в искаженном виде. В таком случае возникает вопрос: как исправить текущее положение? Один из ответов предлагает концепция эмотивизма, согласно которой все моральные суждения представляют собой суждения предпочтения, а потому высказывания морали,

выражающие психологические установки (желания, стремления, эмоции), не могут быть ни истинными, ни ложными. Как отмечает Альфред Айер, говоря, что какой-то тип действия верен или ошибочен, «Я просто выражаю определенные моральные настроения. И человек, который по видимости мне противоречит, просто выражает свои моральные настроения. Так что явно нет смысла спрашивать, кто из нас прав. Ибо ни один из нас не утверждает подлинную пропозицию» (Айер 2010: 154–155). В случае эмотивизма нам и не нужно прояснять моральные понятия, поскольку в любом случае они являются только суждениями предпочтения, а спрашивать о смысле моральных понятий бессмысленно.

Другим ответом может быть изменение самих концептов, чтобы сделать их релевантными для выражения этических проблем современного общества. Но прежде всего необходимо зафиксировать разрыв и дефект в понятии, для чего этика концептов¹ предлагает свой инструментарий. Под этикой концептов понимаются нормативные и оценочные вопросы, связанные с мышлением, высказыванием и репрезентацией. Это вопросы о том, какие понятия необходимо использовать, почему понятия могут быть неполноценными, что мы должны подразумевать под нашими словами, и в какие моменты стоит воздержаться от использования определенных слов (Cappelen, Plunkett 2020: 4).

Амелиоративизм и инжиниринг концептов

Этика концептов как самостоятельное нормативное направление философских исследований сложилась за последние пять-семь лет благодаря усилиям американских философов Дэвида Планкетта и Алексиса Берджесса. Темы, связанные с оценкой употребляемых нами понятий, активнее всего обсуждаются на страницах журнала *'Inquiry'*. Его редактор Герман Капеллен является одним из основоположников близкого философского проекта – концептуального инжиниринга, направленного на улучшение «наших средств выражения» (Cappelen 2018: 3–4). Капеллен считает основной целью своего проекта вовсе не исправление языка, как можно заключить из названия его книги «Исправление языка» (*'Fixing Language'*), а улучшение самой социальной реальности. Отвечая на вопрос, как можно понять такое улучшение мира, Капеллен предлагает сразу две теоретические рамки. Первая восходит к социальной онтологии Джона Серла (Miacchi2020), согласно которой социальные институты производят и поддерживают принимаемые обществом правила и конвенции, при этом сама система таких институтов конституирована языком (Searle1995).

¹ Авторами предлагается переводить «*conceptual ethics*» именно как «этику концептов», а не «концептуальную этику», поскольку в данном случае акцент делается на понятийной, а не этически нормативной составляющей.

Соответственно, меняя значения некоторых понятий (например, «собственность» или «брак»), мы воздействуем непосредственно на социальную реальность. Вторая рамка берет за основу работы представительницы феминистской эпистемологии и философии языка Салли Хаслангер (Carpelen2018: 46). Ее исследовательский вопрос заключается в том, какими мы хотели бы видеть социальные (структурообразующие) феномены вроде расы или гендера. Вопрос можно переформулировать и так: Чем должны быть раса и гендер в том обществе, в котором мы хотели бы жить? Рассматриваемые понятия в данном случае лишь маркируют направление наших усилий по улучшению мира. В своих ранних работах по этике концептов А. Берджесс и Д. Планкетт подчеркивают, что набор концептов «определяет не только то, как мы думаем и говорим, но и, как следствие, что мы можем делать и кем можем быть» (Burgess, Plunkett 2013a: 1091).

Авторы выделяют два вида вопросов в этике концептов: 1) Можно ли вообще использовать данный концепт? 2) Как его стоит использовать? В продолжении также задают вопрос о том, какие переменные и ценности могут влиять на выбор концептов (Burgess, Plunkett 2013b). В данном случае благо служит критерием, необходимым для работы этики концептов. Берджесс и Планкетт считают нормативную оценку понятий первым этапом их инжиниринга. То есть, сначала этика концептов должна провести диагностику проблем, затем разработать и предложить новое понятие, которое в конце концов будет встроено в коммуникативные практики (Burgess, Plunkett2020). Капеллен полагает, что для того, чтобы начать разговор об изменении конкретного понятия, его значение не обязательно должно содержать морально неприемлемые допущения. Достаточно и того, что его значение может быть размытым, или его использование должно приводить к этически, социально или политически недопустимым последствиям. При этом ни из книг Капеллена, ни из статей Берджесса и Планкетта не ясно, насколько этика концептов или их инжиниринг предполагают отслеживание социальных эффектов использования понятия.

Капеллен, рассуждая об истоках инжиниринга понятий, упоминает о семантическом дрейфе – постепенном изменении значения слова, связанного с эволюцией человеческой культуры. Например, почти за столетие такой дрейф пережило понятие «салат» в американской культуре. Первоначально означая холодное блюдо из овощей (в основном – салатных листьев), к первой половине XX в. им стали обозначать любую порезанную и смешанную холодную закуску, даже состоящую из сухарей, сыра и колбасы (Dorr, Hawthorne 2014). В самом по себе семантическом дрейфе понятия «салат» нет ничего этически неприемлемого, за тот же период не менее радикально изменилось и понятие носимых с собой часов (от карманных до наручных). Расширенное понятие «салат» не является ни бессмысленным, ни самопротиворечивым, оно не вносит путаницу в картину мира – словом, у него сложно диагностировать какие-либо из концептуальных

поломок, о которых пишут Капеллен, Берджесс и Планкетт. Однако утрата необходимости для салата быть зеленым способна нести вполне определенные негативные последствия для общественного здоровья, для профилактики массового ожирения и предотвращения сердечно-сосудистых болезней. И поэтому для активистов в сфере здорового образа жизни понятие «салат» – подходящий канал воздействия на культуру питания. При этом для активистов цели их концептуальной работы ясны еще до того, как они обратили внимание на само понятие, его значение и объем.

Именно от описываемого ниже концептуального активизма стоит, на наш взгляд, различать этику концептов. Если из концептуального инжиниринга – практик намеренного изменения понятий исключить их этику, внутри него останется активизм, состоящий в разработке и внедрении понятий. Такой активизм должен стать предметом последующей этической оценки, которую тоже можно назвать этикой понятий. То есть этическое исследование содержания концептов или вектора их изменения не обязательно должно быть первым, «диагностическим» этапом изменения концептов, как полагают Берджесс и Планкетт. Подобное исследование может сопровождать концептуальный активизм, став своеобразным испытательным полигоном для изменяющихся понятий. Именно такое сопровождение и осуществила биоэтика по отношению к изменениям понятия «инвалидность», связанным с движением за права людей с ограниченными возможностями.

Дискуссия вокруг «инвалидности»

Для передачи термина *disability* мы используем слово «инвалидность» как наименее неподходящее. Важно обратить внимание на то, что в русском языке «инвалидность» не подверглось такому целенаправленному изменению как *disability* в английском. Последнее было избавлено от редукции состояния индивида к его медицинскому диагнозу, а также от представлений об уменьшении способностей человека с инвалидностью. В итоге концептуальный активизм привел к тому, что *disability* стали понимать как дезадаптацию индивида к текущим условиям человеческого общежития. Сегодня изменения понятия «инвалидность» рассматриваются как один из немногих примеров успеха в сфере концептуального активизма (Cantalamessa2021). Этот активизм начался не с того, что термин «инвалидность» был признан оскорбительным, но и не с того, что проект изменения понятия обрел точку опоры в виде новых научных фактов. То есть, стартовая точка изменений не была ни нормативной, ни дескриптивной (Cantalamessa2021). Скорее, активисты увидели перед собой практическую цель реабилитации и социализации людей с инвалидностью. Изначальное понятие инвалидности было воспринято критически по прагматичным мотивам: оно блокировало движение к поставленной цели, но будучи измененным, оно, напротив, стало мотором социальных трансформаций.

До того, как в 1960-х гг. активисты взялись за изменение понятия «инвалидность», оно обозначало исключительно медицинское состояние отдельных индивидов, зафиксированное в их диагнозе. Активисты – а среди них было немало гуманитариев, исследователей инвалидности – не спорили с медицинскими критериями тех или иных диагнозов и не стремились подорвать работу врачебных комиссий, занятых установлением инвалидности. Они противостояли последствиям медицинского редукционизма: представлению о том, что все, что можно сделать с инвалидом – исправить, отремонтировать его или ее тело (Oliver 2004). Активисты считали инвалидность маркером социального меньшинства, переводя проблему и употребляемые для ее постановки понятия, из медицинской в политическую плоскость.

В контексте этих тенденций биоэтика оказалась в парадоксальном положении. С одной стороны, возникнув и начав институционализироваться почти одновременно с исследованиями инвалидности, в 1960-х гг., биоэтика видела свою задачу в защите людей от посягательств на их достоинство или свободу в рамках медицинских практик. С другой стороны, биоэтика оставалась по преимуществу сферой нормативной оценки именно медицинских практик. Все основные биоэтические регламентации взаимодействий в сфере здравоохранения были направлены прежде всего на безопасность каждого пациента в отдельности и на защиту его индивидуальной свободы (Ouellette 2011). Свободный выбор, о котором идет речь в биоэтике, является частью совместного решения врача и пациента, соответственно, и используемое в обсуждении рамок этого выбора понятие инвалидности не могло не иметь медицинского значения (или хотя бы явных медицинских аспектов значения).

Кроме того, в биоэтике традиционно поднимается проблема распределения ресурсов здравоохранения, ведь это также задает границы принимаемых решений в конкретной ситуации. Некоторые консеквенциалистские позиции относительно такого распределения предполагали широкое внедрение программ пренатальной диагностики. Целью этих программ было облегчить решение родителей о прерывании беременности в случае выявления у эмбриона или плода тяжелых наследственных заболеваний (Singer 1987). Активисты в сфере инвалидности воспринимали такие аргументы как евгенические, считая отстаиваемое биоэтиками «право не существовать» проявлением предрассудков в отношении людей с инвалидностью (Newell 2006). Активисты настаивали, что понятие инвалидности может быть выработано только внутри сообществ, испытывающих конкретные ограничения в текущих социальных условиях. Эта точка зрения считалась одним из главных следствий принципа «Ничего о нас без нас» (Charlton 1998).

Однако даже успешное конструирование социального понятия инвалидности оставляло вопросы. Во-первых, оставалась регулятивная задача: определить рамки принятия решений в медицине по поводу заболеваний, связанных с инвалидностью. Ее решение касалось и проведения пренатальной диагностики таких заболеваний. Во-вторых, восприятие собственного

состояния в сообществах людей с ограниченными возможностями оставалось гетерогенным. Тогда как одни из них поддерживали пренатальную диагностику инвалидирующих заболеваний и прерывание беременности, другие были против (Boardman et al. 2017). Соответственно, по-прежнему было неясно, какое из понятий инвалидности, выработанных внутри сообществ людей с ограниченными возможностями, считать нормативным. Непонятным оставалось и какие регулятивы медицинских практик должны следовать из каждого отдельного понятия, и из всей их совокупности.

Занимаясь этими проблемами, биоэтика взяла на себя роль этики концептов в отношении конструируемого понятия инвалидности. Нельзя утверждать, что значение инвалидности как социального понятия было радикально пересмотрено в рамках биоэтики. Но была выработана определенная прагматика – традиция употребления этого понятия в рамках принятия индивидуальных решений о прохождении генетических тестов или прерывания беременности (Shakespeare 2019). При этом медицинские понятия, обозначающие инвалидирующие заболевания, сохранили свое место в профессиональном дискурсе. Но некоторые биоэтики взяли на себя задачу по отслеживанию этически неприемлемых допущений, которые могут обуславливать несправедливость в отношении людей с инвалидностью при распределении ресурсов здравоохранения. Например, было показано (Scully 2020), что в ситуации острой нехватки мест в реанимации при пандемии COVID-19, нельзя отказывать человеку с инвалидностью в шансе занять одно из них. При этом речь не идет об этической критике принятых в медицине катастроф консеквенциалистских критериев очередности оказания помощи. Причина, по которой это недопустимо была скорее медицинской: само по себе наличие инвалидности не определяет общего функционального состояния организма, соответственно шансы людей с инвалидностью на выздоровление могут быть не ниже популяционных (Scully 2020). Иными словами, хотя у инвалидности может быть обнаружен некий биомедицинский коррелят, сама по себе инвалидность не является медицинским понятием и ничего не говорит об общем состоянии здоровья.

Таким образом, биоэтика не занималась конструированием инвалидности как понятия с медицинским и социальным значением, но осуществляла этическую оценку этих значений, обозначала их границы, и предлагала формы «трансграничного» взаимодействия. Биоэтика не была формой активизма в отношении понятий, но она и не стала механизмом, пресекающим такой активизм. Более того, активистские усилия по конструированию социального понятия инвалидности оказали влияние на практики принятия медицинских решений во многом благодаря биоэтике.

Этика концептов, указывая на проблемы в употреблении понятий, выстраивается как сфера возможного изменения существующих понятий. Важно, что этика концептов не направлена на встраивание понятий в коммуникативные практики в угоду каким-либо группам влияния, но формируется как

адекватная практика ответа как на «поломки» самого концепта, так и на проблемы его преобразования в рамках концептуального активизма.

Список источников

- Айер А. Дж. (2010) *Язык, истина и логика*. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация».
- Артемьева О. В. (2005) У истоков современной этики добродетели. *Этическая мысль*, (6): 163–181.
- Дмитриев Т. А. (2005) Аласдер Макинтайр: мораль после добродетели. *История философии*, (12): 89–121.
- Макинтайр А. (2000) *После добродетели: Исследования теории морали*. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.
- Энском Э. (2008) Современная философия морали. *Логос*, 1 (64): 70–91.
- Boardman F. K., Young P. J., Griffiths F. E. (2017) Impairment experiences, identity and attitudes towards genetic screening: The views of people with spinal muscular atrophy. *Journal of Genetic Counseling*, 27 (1): 69–84.
- Burgess A., Plunkett D. (2013a) Conceptual Ethics I. *Philosophy Compass*, 8 (12): 1091–1101.
- Burgess A., Plunkett D. (2013b) Conceptual Ethics II. *Philosophy Compass*, 8 (12): 1102–1110.
- Burgess A., Plunkett D. (2020) On the Relation between Conceptual Engineering and Conceptual Ethics. *Ratio*, (33): 281–294.
- Cantalamesa E. A. (2021) Disability Studies, Conceptual Engineering, and Conceptual Activism. *Inquiry*, (1–2): 46–75.
- Cappelen H. (2018) *Fixing Language: An Essay on Conceptual Engineering*. Oxford: Oxford University Press.
- Cappelen H., Plunkett D. (2020) A Guided Tour of Conceptual Engineering and Conceptual Ethics. In: H. Cappelen, D. Plunkett, A. Burgess (eds.) *Conceptual Engineering and Conceptual Ethics*. Oxford: Oxford University Press: 1–26.
- Charlton J. (1998) *Nothing about Us without Us: Disability, Oppression and Empowerment*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Dorr C., Hawthorne J. (2014) Semantic Plasticity and Speech Reports. *Philosophical Review*, 123 (3): 281–338.
- Miracchi L. (2020) A Case for Integrative Epistemology. *Synthese*. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02848-0> (accessed 15 October 2021).
- Newell C. (2006) Disability, Bioethics, and Rejected Knowledge. *Journal of Medicine and Philosophy*, 31 (3): 269–283.
- Oliver M. (2004) The Social Model in Action: If I Had a Hammer. In: C. Barnes, G. Mercer (eds.) *Implementing the Social Model of Disability: Theory and Research*. Leeds: Leeds Press: 18–31.

Ouellette A. (2011) *Bioethics and Disability: Toward a Disability-Conscious Bioethics*. Cambridge University Press.

Scully J. L. (2020) Disability, Disablism, and COVID-19 Pandemic Triage. *Journal of Bioethical Inquiry*, 17 (4):601–605.

Searle J. (1995) *The Construction of Social Reality*. Free Press.

Shakespeare T. (2019) When the Political Becomes Personal: Reflecting on Disability Bioethics. *Bioethics*, 33 (8):914–921.

Singer P. (1987) A Report from Australia: Which Babies are Too Expensive to Treat? *Bioethics*, 1 (3):275–283.

Aleksei Antipov, Sergei Shevchenko

BIOETHICS AND CONCEPTUAL ETHICS IN THE DISABILITY RIGHTS MOVEMENT

This article reviews the ethics of concepts as a way of revising and re-evaluating the current uses of 'expressive means of language.' Conceptual ethics and the closely related to it conceptual engineering are parts of ameliorative line in contemporary philosophy. Conceptual ethics and conceptual engineering both stipulate that concepts are not just ways of naming things and events, but can become an instrument for improving social practices. Conceptual ethics and conceptual engineering extend philosophical activity beyond the description of reality and the identification of normative attitudes to improve or correct the functioning of the social structure. This takes place by identifying a defect in the workings of a concept, which may consist not only of morally negative assumptions, but also of its blurring, leading to unacceptable consequences. Conceptual ethics distance itself from moral philosophy. Some authors consider conceptual ethics the first, or 'diagnostic' stage of conceptual engineering. Another component is conceptual activism. The difference between conceptual ethics and conceptual activism is illustrated by the example of changes in the concept 'disability.' We show that the changes in this concept proposed by disability rights activists has been the subject of evaluation within bioethical debates. In this way, bioethics has shaped the framework for conceptual changes and developed forms of combining or translating non-medical and medical models of 'disability'. In this regard, we assume that the social significance of bioethics, as well as neuroethics, digital ethics, and technoethics extends beyond the regulation of new technologies and the monitoring of dissemination of new techno-social practices. These interdisciplinary fields turn out to be a sort of testing ground for concepts where new forms of conceptual harmonization and translation emerge. Therefore, such testing grounds coordinate the activity of state and public institutions, as well as individual social groups.

Keywords: conceptual ethics, bioethics, conceptual engineering, ameliorativism, activism, disability

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-4-685-696

Aleksei V. Antipov – Cand. Sci. (Philos.), Junior Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7048-3373. Email: nelson02@yandex.ru

Sergei Yu. Shevchenko – Cand. Sci. (Philos.), Senior Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7935-3444. Email: simurg87@list.ru

References

- Anscombe G. E. M. (2008) Sovremennaya filosofiya morali [Modern Moral Philosophy]. *Logos*, 1 (64): 70–91.
- Artemieva O. V. (2005) U istokov sovremennoj etiki dobrodeteli [At the Origins of Modern Virtue Ethics]. *Eticheskaya Mysl'* [Ethical Thought], (6): 163–181.
- Ayer A. J. (2010) *Yazyk, istina i logika: Nauchnoe izdanie* [Language, Truth and Logic: Scientific Edition]. Moscow: 'Kanon+' ROOI 'Reabilitaciya'.
- Boardman F. K., Young P. J., Griffiths F. E. (2017) Impairment Experiences, Identity and Attitudes Towards Genetic Screening: The Views of People with Spinal Muscular Atrophy. *Journal of Genetic Counseling*, 27 (1): 69–84.
- Burgess A., Plunkett D. (2013a) Conceptual Ethics I. *Philosophy Compass*, 8 (12): 1091–1101.
- Burgess A., Plunkett D. (2013b) Conceptual Ethics II. *Philosophy Compass*, 8 (12): 1102–1110.
- Burgess A., Plunkett D. (2020) On the Relation between Conceptual Engineering and Conceptual Ethics. *Ratio*, (33): 281–294.
- Cantalamesa E. A. (2021) Disability Studies, Conceptual Engineering, and Conceptual Activism. *Inquiry*, (1–2): 46–75.
- Cappelen H. (2018) *Fixing Language: An Essay on Conceptual Engineering*. Oxford: Oxford University Press.
- Cappelen H., Plunkett D. (2020) A Guided Tour of Conceptual Engineering and Conceptual Ethics. In: H. Cappelen, D. Plunkett, A. Burgess (eds.) *Conceptual Engineering and Conceptual Ethics*. Oxford: Oxford University Press: 1–26.
- Charlton J. (1998) *Nothing about Us without Us: Disability, Oppression and Empowerment*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Dmitriev T. A. (2005) Alasder Makintajr: moral' posle dobrodeteli [Alasdair MacIntyre: Morality after Virtue]. *Istoriya filosofii* [History of Philosophy], (12): 89–121.
- Dorr C., Hawthorne J. (2014) Semantic Plasticity and Speech Reports. *Philosophical Review*, 123 (3): 281–338.
- MacIntyre A. (2000) *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [After Virtue: A Study in Moral Theory] Moscow: Akademicheskij Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga.
- Miracchi L. (2020) A Case for Integrative Epistemology. *Synthese*. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02848-0> (accessed 15 October 2021).
- Newell C. (2006) Disability, Bioethics, and Rejected Knowledge. *Journal of Medicine and Philosophy*, 31 (3): 269–283.
- Oliver M. (2004) The Social Model in Action: If I Had a Hammer. In: C. Barnes, G. Mercer (eds.) *Implementing the Social Model of Disability: Theory and Research*. Leeds: Leeds Press: 18–31.
- Ouellette A. (2011) *Bioethics and Disability: Toward a Disability-Conscious Bioethics*. Cambridge University Press.
- Scully J. L. (2020) Disability, Disablism, and COVID-19 Pandemic Triage. *Journal of Bioethical Inquiry*, 17 (4): 601–605.
- Searle J. (1995) *The Construction of Social Reality*. Free Press.
- Shakespeare T. (2019) When the Political Becomes Personal: Reflecting on Disability Bioethics. *Bioethics*, 33 (8): 914–921.
- Singer P. (1987) A Report from Australia: Which Babies are Too Expensive to Treat? *Bioethics*, 1 (3): 275–283.